

Свет из окна всегда будит. Тем более если это окно находится прямо на востоке. Солнце встает, распускает свежие лучи и стреляет ими прямо в твое спящее лицо. Тогда человек невольно открывает глаза. Как не улыбнуться, осознавая, что впереди ждет новый день? И другой человек улыбнется. Если только он не ты.

Ты отвернешься от окна. Ты до боли уткнешься в подушку. Ты заплачешь от внутренней боли, когда слезы катятся по щекам, без всякого звука. А все потому, что дни твои перешли на часы.

Ника лежала, уткнувшись в подушку. Подушка взмокла от слез, боль билась об стенки сердца.

— Ника, проснулась?

Это медсестра Рита. Она аккуратно приподнимает одеяло, смятое ночью, и укрывает как надо.

Ника не шевелится. Зачем что-то говорить, если часы отсчитывают время для твоего перехода? Вчера она услышала, как безутешно рыдала мама, пока доктор рассказывала ей о трагичности положения.

— Рак беспощаден, — говорила она, стараясь не смотреть в несчастные глаза матери, — вашей дочери

остался максимум месяц. Не говорите ей об этом пока. Не убивайте ее раньше времени.

Доктор еще что-то говорила, но Ника уже не слышала. Она лежала на больничной койке, на которой всего неделей раньше мечтала о том, как вернется домой. И вот все оборвалось.

После этого и навернулись слезы. Она бессильна! Она мала и ничтожна перед этой страшной неизбежной пропастью — смертью. Она ничего не может изменить, она скована по рукам и ногам этими больничными оковами, она словно в тюрьме. Ей стало очень жалко себя. Жалко Машу из третьей палаты, потому что та умерла меньше недели назад. Сколько они бегали по больнице, выслушивая тихое ворчание дежурных по этажам. Теперь Маши не стало. Скоро не станет и Ники.

В тот вечер Ника с Машей сидели в Машинной палате. Это был особенный вечер, Ника это чувствовала. Фонарь напротив Машиного окна бросал на потолок неоновые блики, разбавленные лимонным светом настольной лампы. Было необычно, красиво и радостно.

— Знаешь, — начала Маша, — вчера ко мне залетел мотылек.

Наверное, надо описать Машу. Это была обычная девочка с россыпью золотых веснушек на щеках, некогда имеющая копну рыжих волос, вьющихся на концах. Сейчас ее голова было начисто выбрита, как и голова Ники. Они сидели на постели, склонившись друг к другу, трогательные, как две птички.

— Настоящий? — улыбулась Ника.

— Самый что ни на есть! Скорее всего, он залетел, когда проветривали палату. Такой лохматенький, серый. Крылья как лепесточки! Он сел ко мне на подушку. И...

Маша невесело усмехнулась.

— Оксана прибила его мухобойкой.

Это молодая медсестра. Замкнутая и сердитая. Маша и Ника ее не боялись, но что-то сжималось в груди, когда та входила в палату. Да, она все делает правильно, по инструкции. Кроме одного — она не любит своих подопечных. Но в инструкции это и не прописано.

Машино грустное лицо было покрыто паутиной неоновой света фонаря. Он же отражался и на стене, неподвижный и скучный, как однообразный больничный день. Никакого движения в нем: ни отсвета фар машин, ни отблеска рекламных подсветок. Больничный забор не позволяет иным бликам проникнуть сюда. Здесь своя атмосфера. Атмосфера боли и томительного ожидания.

— У меня дома живет хомяк, Люк, — сказала Ника, поглаживая подругу по тощему плечу, — Я люблю «Звездные войны» и даже хомяка назвала в честь одного из героев. Смешно, правда? — Маша тихонько засмеялась. — Он очень меня любит, как и я его. Когда меня возили в больницу, мне показалось, что он плакал.

Маша хитро прищурилась.

— Если я умру, ты будешь реветь?

— Да, — решительно сказала Ника, — а ты будешь реветь, если я умру?

— Еще как.

Подруги обнялись. Стало тепло и весело, хотелось шутить и смеяться. Они вместе! Когда рядом есть плечо друга, ничего не страшно. Они смеялись, о чем-то вспоминая, пока дежурная не отправила Нику в свою палату.

На следующее утро Маша умерла.

— Опять всю ночь плакала? — недовольно спросила тетя Рита, поправляя Никину подушку.

Тетя Рита — пожилая медсестра, прячущая свою мягкую, как воск, душу за нарочитой строгостью.

— Какая теперь разница? — безучастно сказала Ника.

— Большая, — сердито ответила медсестра, — чего слезы без толку лить?

— Что слезы лить? — закипев, закричала Ника. — А в чем смысл жить и чего-то ждать? Зачем, если, быть мо-

жет, через минуту я перестану дышать? Зачем читать книгу, если уже знаешь, чем она закончится? Зачем? Зачем?

Она в бессилии упала на подушку.

«Это нечестно, — думала она, словно в бреду, — почему я болею...»

Мама почему-то не приходила в больницу уже три дня. Она все так же отправляла передачи, писала в Интернет, но не приходила. Ника осталась лицом к лицу с часами, отсчитывающими секунды ее жизни.

Эти часы висели на стене прямо напротив нее. Во всех палатах были старенькие, но свои часы. Лежа на кровати, ты оказываешься прямо напротив них и видишь только их. Раньше они с Машей считали часы до выписки. Часы были другом, переживающим вместе с ними страх и надежду. После заявления доктора часы превратились во врага. Ника не хотела смотреть на них, но взгляд упорно выхватывал цветное пятно на белой стене.

В палату вошла тетя Рита. Ника не была расположена к разговору и потому прикрыла глаза, делая вид, что спит. Но тут же следом за медсестрой вошла главврач.

— Спит, — шепотом сказала тетя Рита. — Вы посмотрите, Марь Васильевна, как же она похудела, косточки видны. Отчаивается, и от этого болезнь прогрессирует.

— Риточка, больше для девочки сделать ничего нельзя. Она у нас и так обескровлена операциями, анализы наихудшие, плюс депрессия, усугубляющая положение. Пока она сама не поднимется духом, мы бессильны перед ее болезнью, — услышала Ника усталый голос главврача.

Она потрогала Никину руку, приподняла подбородок, вздохнула, покачав головой, как делала всегда, когда была озабочена положением больного. Только вздох был не озабоченный, а безнадежный.

— Впрочем, в качестве исключения попробуй, — задумчиво проговорила она. — Ника славная девочка. Вот бы всех детей так спасти.

— Марь Васильевна! — услышала Ника тоненький голосок. — Леньке из третьей палаты опять плохо, он говорить не может, хрипит и плачет...

— Хорошо, Костя, иду, — тут же отреагировала доктор и скрылась, прикрыв дверь.

Тетя Рита села на стул у кровати, расправляя белое полотенце.

— Хватит, Ника, я знаю, что ты не спишь, — вдруг сказала она.

Притворяться больше не было смысла, да и хотелось скорее распахнуть глаза. Ника огляделась, сощурившись от белоснежных стен.

Тетя Рита сидела с преспокойным видом и прилежно расправляла полотенца.

— Я все равно засыпала, — сказала Ника угрюмо.

— Я верю, — в тон ей ответила тетя Рита.

— Я все слышала, — срывающимся шепотом сказала Ника.

— Знаю, — кивнула медсестра, не отрываясь от работы.

— Но я никогда больше не смогу радоваться!

В ответ тетя Рита промолчала. Наконец, сложив полотенце, медсестра невозмутимо пожала плечами.

— Ты смирилась с болезнью, так?

Ника сжала кулачки от бессилия.

— Да.

— Еще один вопрос. Ты любишь животных?

От неожиданного вопроса Ника оторопела. Вспомнился хомяк Люк, далекий милый друг, оставшийся в том, светлом мире, больше недоступном ей.

— Да... — проговорила Ника, — а что?

— Надеюсь, — улыбаясь, сказала тетя Рита, — скоро узнаешь!

Проснулась Ника от стука дождя по карнизу. Слово тысячи крошечных каблучков стучали по крыше, крыльцу, асфальту. Ника открыла глаза, и первой, кого она увидела, была Маруся, которая сидела на ее кровати и глядела в окно.

Вообще Ника, да и все пациенты давно привыкли, что Маруся находится везде и всюду. Ника тоже не удивилась, увидев Марусю рядом.

— Маруся... Это дождь?

Девочка повернулась к Нике, улыбнулась.

— Дождик.

Комната помрачнела от туч. Белые стены потемнели.

Маруся — невысокая странная девчушка. Ника знала, что у нее лейкемия. Не по годам Маруся была тихой, задумчивой и всегда появлялась у кровати того, кому нужна была поддержка. Она могла просто быть рядом и молчать, и от этого проходила боль щемящего одиночества, или могла разговорить человека, и дух поднимался. Медсестры называли ее ангелочком.

Ника поняла, что Маруся пришла к ней не просто так.

Стрелка на часах застыла на шестерке. Серые облака, словно свалывшиеся клочки овчины шерсти, медленно передвигались на север.

— Мне грустно, — подумала Ника, и даже не спохватилась, что говорит вслух. В эту простую фразу вложилась вся боль, весь страх ожидания, все выплаканные вечера, когда она засыпала в поту от мыслей о смерти.

— Почему? — повернулась Маруся к Нике.

— Боюсь.

— Чего боишься?

— Не проснуться.

Маруся взяла Никину руку и погладила ее сухие пальцы.

— Не бойся. Поживешь еще.

Ника горько усмехнулась. Этот смешок вызвал холодный ком в горле, от которого на глаза навернулись слезы.

— Не плачь, — тихо сказала Маруся, — ты и так уже много наплакалась. Пусть лучше дождь за тебя выплачет.

Почему-то именно эти слова подействовали на Нику отрезвляюще. Она улыбнулась и обняла девочку.

— Я и правда устала плакать. Я устала, устала переживать. Пусто вот здесь, — Ника стукнула ладонью по груди, — словно все перегорело. Ни чувств, ни эмоций. Ничего.

Маруся помолчала.

— Если ты будешь впадать в такие депрессивные приступы, как вчера днем, тебя поведут к психиатру.

— Мне уже все равно.

Ника исподлобья тихонько рассмотрела Марусю. Несмотря на то что она в больнице не один месяц, Ника никогда не видела внутреннюю панику на ее лице. Только чистая и нежная серьезность. Слово она не отсюда. Не может человек жить спокойно с такой болезнью. Или может?

— Маруся... скажи. Сколько ты уже здесь?

— Разве важно? — улыбнулась девочка. — Ну день, ну год... Это ничего не значит. Мы пришли в больницу, чтобы что-то найти. Вот ты ведь так и не нашла свое.

Ника непонимающе посмотрела на девочку.

— Ты ничего так и не поняла, а потому и торчишь тут. До сих пор понять не хочешь того, насколько... впрочем, ты должна сама осознать. Сама... и никто тебе тут не поможет.

Ника обиженно посмотрела на Марусю и с вызовом спросила:

— А ты-то нашла?

Маруся улыбнулась, но ответила серьезно:

— Нашла.

Дверь приоткрылась, и в палату тихонько заглянула тетя Рита.

— О чем мечтаете? — шепотом спросила она, зайдя в палату с квадратной сумкой в руках.

Ника хотела резко ответить, но что-то остановило ее. Тетя Рита никогда не пожелает Нике зла, и Ника это знала.

Медсестра лукаво глядела на Нику.

— Хотите сюрприз?

Ника переглянулась с Марусей и неуверенно кивнула. Медсестра улыбнулась так, что в глазах засверкал живой блеск. Она аккуратно приоткрыла сумку, и из черной пасти сумки высунулась белая усатая голова.

Ника вытаращила глаза.

— Знакомьтесь, девочки, — ласково проговорила тетя Рита, — Лютик.

Лютик оказался довольно упитанным котом с белой короткой шерстью и круглыми синими глазами. Он с любопытством принялся.

— Какой милый! — прошептала Маруся, несмело прикоснувшись к макушке кота. — Какой толстенький! Его, наверное, много кормили?

— Нет, кормили его всегда в меру, — все еще улыбаясь, ответила медсестра, — но толстенький он не случайно. Дело в том, что у Лютика рак.

Тихое слово прозвучало словно гром. С минуту девочки сидели молча, замерев. Было слышно лишь потрескивание лампы.

— Ника, я дарю тебе Лютика. От него отказались, и я подумала, может, ты захочешь, чтобы он жил у тебя?

Ника смотрела на кота не мигая.

— Да. Очень хочу...

Ника полусидела на кровати, не отрывая взгляда от нового друга. Она заметила, какие глубокие у него глаза. Словно человеческие.

— А вдруг ты на самом деле когда-то был человеком? — сказала Ника вслух. — У котов не может быть такого взгляда.

Лютику наскучило ходить туда-сюда по комнате, и он запрыгнул к Нике на кровать.

— Интересно, почему ты заболел? Знаешь ли ты о своей болезни?

Лютик лег на спинку и зажмурился.

— Ну конечно, ты же чувствуешь боль. Мы с тобой связаны одной болезнью. Только у меня шансов из нее выйти уже нет.

Кот внимательно слушал, как казалось. Вдруг он, заметив мошку, задрывал лапками в воздухе. Это выглядело так забавно, что Ника рассмеялась, удивившись, как давно она не слышала собственный смех.

— Наверное, ты все-таки не знаешь о болезни. Иначе бы так не веселился.

Кот прислушался, принялся. Мошка одержала победу.

— А вот во мне больше нет радости. Никто не заметит моего ухода. Уж лучше бы я тогда и не рождалась на свет.

Ника в отчаянии закрыла глаза руками. Тут она почувствовала резкую боль в локте. Лютик больно укусил ее.

— Эй! Прекрати!

Лютик растопорщил усы и грозно мявкнул. Он словно заступался, защищал что-то очень сокровенное, чистое, светлое, то, на что она, Ника, подняла руку.

Ника вдруг вернулась к странным словам Маруси. «Ты здесь, чтобы что-то найти». Да, слова о том, что она пришла сюда зачем-то, но еще не поняла зачем, а потому все еще здесь, прозвучали как откровение.

Слова о смерти вдруг показались словно начерченными на песке. «Зачем я здесь, в больнице?»

Ника откинулась на подушке и закрыла глаза. Картинки из прошлого, из ее маленькой жизни встали перед глазами. Вот родители подарили ей не тот телефон... Мама на день рождения случайно перепутала и купила не тот торт... Все эпизоды из жизни были наполнены негативом, злостью, раздражением.

Ника резко открыла глаза. Снова захлопнула их. Она судорожно принялась пересматривать факты, которые внезапно открылись ей. Конечно! Ни разу Ника не порадовалась жизни, не порадовалась тому, что имеет. Незначительные радости в виде подарков меркли перед огромным фактом: Ника ненавидела жизнь. Ника ненавидела свое имя, ненавидела одноклассников, ненавидела себя. Она сама проложила себе дорогу в это мертвое место, из горячего адского кирпича, из болезни под названием «рак». Она не замечала красоты, она предпочла тьму — мертвые ветки дерева на пустынном тротуаре. А теперь она сама как мертвая ветка.

Слезы потекли по щекам, в ушах зазвенело. Ника сжала руки в кулаки и молчала, хотя внутри она разрывалась от крика: вот, вот зачем ты в больнице! Ты не любишь этот мир и потому Бог отнимает его у тебя. И, невероятно, с души внезапно стал спадать слой копоти и грязи, уступая место слабости, от которой хотелось заснуть.

— Тринадцать! — Ника шумно выдохнула и с видом победителя посмотрела на Леньку.

Маруся и Ленька стояли у изголовья кровати и самозабвенно считали секунды.

— Ну ты даешь! — восхищенно сказал Ленька, стриженный бойкий пацанчик. — Тринадцать, это уже неплохо. В то время как ты задыхалась после пяти.

Ника победно улыбнулась.

— Так что я был не прав, — прибавил Ленька, — ты действительно, вроде того... поправляешься...

Ника нахмурилась. Маруся толкнула Леньку в бок.

— Ребята, смотрите, что Лютик творит!

Все разом повернули головы.

Кот вскочил на задние лапы, замахав передними, чем привел всех в восторг.

— Он с пухом играет, — сказал Ленька, — тополь облетает на улице...

Ника тут же повернулась к светлому окну, из которого струился солнечный свет, и увидела... снег. Летний снег из белого тополиного пуха, волшебного пуха из детства... Он кружился за окном, словно слова милой плавной песни, словно раскрошенное облако.

У Никиного дома росло много тополей, и один из них заглядывал прямо в ее комнату. Каждый раз, просыпаясь, она видела, как тополь качает ветвями. Когда ей было грустно, она смотрела в окно, и тополь всегда был рядом. Словно близкий друг...

Люттик охотился на пушинку, словно лев на кролика. Поджимал уши, готовый к прыжку, и снова прыгал...

— Смотри, — сказала Маруся, — он совсем не обращает внимания на то, что у него что-то в организме есть. Живет, и все у него хорошо...

— Может, он не знает о своей болезни? — робко сказал Ленька.

Звонящая тишина накрыла палату.

— Он знает, — сказала Ника, — он, ясное дело, знает... но продолжает радоваться жизни. Точнее, тому, что осталось.

Неизвестно было, кому она это больше говорит, ребятам или себе.

— ...Он любит пух, ему весело, и он играет с ним. Он любит солнце и каждое утро встречает его на подоконнике, мурча и жмурясь. Он любит людей, он спит со мной, ласкается о ноги тети Риты, даже когда миска полна еды... А порой тихо плачет по-кошачьи, ползает по полу от жутких болей... но потом снова к утру залезает на подоконник, чтобы встретить солнце... Любит жизнь, даже смертельно болея, — еле слышно закончила она.

Ника замолчала, обдумывая это открытие. Простое, известное с самого детства, но понятное только сейчас, в это мгновение. Жизнь — вот великий дар, который стоит беречь и дорожить.

— А я ведь теперь ничего не боюсь, — решительно заявила Ника.

— Чего не боишься?

— Ну, этого самого. Смерти.

Она помолчала.

— Я вдруг стала вспоминать вещи, на которые никогда бы не обратила внимания. И не обращала, пока не попала сюда. Знаете, мне до боли в желудке хочется пойти к себе на кухню и включить чайник. Я всегда раздражалась, когда мама просила меня об этом. Теперь никто не попросит меня это сделать. Сейчас мне ужасно хочется пройти эти пять шагов и тыкнуть в эту ободранную кнопку. Понимаете?

Маруся всегда понимает. Она не смеется, хотя это довольно смешно, а внимательно слушает, чуть наклонив голову. Ленька тоже притих.

— А потом, этот самый Люттик — это не кот, а ангел-исцелитель какой-то. Серьезно, он привел меня к таким мыслям своей жизнерадостностью. Я поняла, какой я была эгоисткой. Вот бы отмотать время назад!

— Ты бы не пришла к таким мыслям, если бы не больница, — заметила Маруся, — где-то в параллельном мире Ника слыхом не слыхивала о лейкемии и ведет все ту же богатую, скучную жизнь.

Ника замолкла.

— Да, а ведь ты права. Ведь когда сюда ложилась, я считала, что это конец... а оказалось, только начало.

— Наверное, — согласилась Маруся и встала с кровати, — ладно, пойдём, Ленька.

Они направилась к двери. Ника подошла к Лютику и тихо обняла его.

Ника проснулась внезапно. Словно что-то выхватило ее из сна.

На потолке неподвижно стояли неоновые блики. Тикали часы. Пахло лекарствами и снами.

Минуту Ника пролежала, не шевелясь. Сон как рукой сняло. Бывает же такое.

Люттик сидел на подоконнике и что-то высматривал в звездном небе. Ника встала с кровати и подошла к окну.

Всего неделю назад она покрывалась тоской при виде из окна: она видела мертвый бетонный забор, но не замечала звездного неба над ним.

Ника распахнула окна, вдохнула ночной воздух.

— Мир, ты прекрасен! — крикнула Ника в пространство. — Пусть все, всегда, везде будет хо-ро-шо!

Внизу зашелестели опавшие листья.

— Ника, чово кричишь?

Ника посмотрела вниз. Дядя Сережа, так звали добродушного охранника пациенты, стоял посреди тротуара, задрал голову вверх.

— Здравсте, дядя Сережа! — отозвалась Ника.

— А ну спать, хулиганка, — шутливо пригрозил охранник, — посидела немножко, и в постель. Ночь уж больно красивая, понимаю тебя. Да как бы тебе нагоня не было от Ритки, она с этим строго!

— Тетя Рита добрая, простит, — засмеялась Ника, — все, я пошла спать! Не выдавайте меня, дядя Сережа!

Ника уже закрывала окна под незлобивое ворчанье охранника: «Ну-ну... покоя с вами, пострелятами, нет... того и гляди места с вами лишитесь...»

Она легла, Люттик переместился к ней.

Засыпая, она не знала, что уже через неделю откроет больничные ворота и долго будет стоять, не решаясь переступить порог, веря и не веря, что чудо произошло и ее выписали. Она не знала, что через месяц Лютик уй-

дет к Маше. А через семь лет Ника вернется в больницу медсестрой, чтобы своим примером давать надежду детям, потерявшим смысл жить.

г. Тюмень